РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 1 (43). С. 176–184.
ISSN 2070-0695 (print).
Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2022;1(43):176-184. ISSN 2070-0695 (print).

Рецензия на книгу

УДК 32.019.51
doi: 10.47475/2070-0695-2022-10118

О КРИЗИСЕ МЕЖПОКОЛЕННОЙ СВЯЗИ, ЦИФРОВЫХ РАЗРЫВАХ И КОНСТРУИРОВАНИИ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ», ЕКАТЕРИНБУРГ, 2021)

Марина Викторовна Загидуллина
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, mzagidullina@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-4799-1230

Аннотация: В данной статье предлагается обзор монографии, выпущенной коллективом исследователей Уральского федерального университета и посвященной вопросам трансфера памяти в условиях всеобщего перехода к цифровой коммуникации. В ходе анализа автор рецензии обращает внимание на несомненные удачи коллектива, а также указывает на проблемы, которые ждут своего решения.

Ключевые слова*:* коммуникативно-культурная память, цифровизация, медиатизация, Уральская школа журналистики.

Для цитирования: Загидуллина М. В. О кризисе межпоколенной связи, цифровых разрывах и конструировании новой идентичности (рецензия на коллективную монографию «Межпоколенческая трансляция коммуникативно-культурной памяти в эпоху цифровизации», Екатеринбург, 2021) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 1 (43). С. 176–184. doi: 10.47475/2070-0695-2022-10118.

© Загидуллина М. В., 2022

Review

ON THE CRISIS OF INTERGENERATIONAL COMMUNICATION, DIGITAL DIVIDES, AND THE CONSTRUCTION OF A NEW IDENTITY (REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH «INTERGENERATIONAL TRANSLATION OF COMMUNICATIVE-CULTURAL MEMORY IN THE ERA OF DIGITALIZATION», YEKATERINBURG, 2021)

Marina V. Zagidullina
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, mzagidullina@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4799-1230

Abstract: This article provides an overview of a monograph published by a team of researchers from the Ural Federal University and devoted to the issues of memory transfer in the context of a general transition of society to digital communication. Having analyzed the book, the author of the review draws attention to the undoubted successes of the team, and also points to problems that are waiting for their solution.

Key words: communicative and cultural memory, digitalization, mediatization, Ural School of Journalism

For citation: Zagidullina MV. On the crisis of intergenerational communication, digital divides, and the construction of a new identity (review of the collective monograph «Intergenerational translation of communicative-cultural memory in the era of digitalization», Ekaterinburg, 2021). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*. 2022;1(43):176-184. (In Russ.). doi: 10.47475/2070-0695-2022-10118.

Завершился трехлетний исследовательский проект коллектива факультета журналистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, посвященный изучению феномена коммуникативно-культурной памяти. Под руководством шведского медиаисследователя Г. Саймонса состоялось масштабное междисциплинарное исследование различных аспектов трансфера культурной памяти новым поколениям в условиях все большего «разброса» коммуникативных практик, непрерывного уплотнения медиапотоков и увеличения скорости информационного обмена. Рецензируемая монография [1] отражает ключевые подходы и научные результаты, полученные коллективом во время работ по гранту Российского научного фонда (проект № 19-18-00264 «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции»), представляет несомненный интерес для широкого круга исследователей.

В монографии три главы: первая посвящена теоретическим обзорам собственно понятий поколения и коммуникативно-культурной памяти, во второй показано, как можно установить «маркеры поколений» (выявить отличительные особенности крупных социальных ансамблей по критерию их принадлежности к поколению), в третьей содержатся основные фундаментальные выводы по особенностям, перспективам и границам межпоколенного медиатрансфера коммуникативно-культурной памяти, а также предлагается «перевод» проблемы в прикладную область журналистских практик.

Остановимся на содержании каждой главы подробнее.

Первая глава озаглавлена «Медиапоколения и коммуникативно-культурная память как социокультурные феномены» и в соответствии с заглавием разбита на два параграфа, посвященные, соответственно, теории медиапоколений и коммуникативно-культурной памяти. Сам феномен поколения представляет собой достаточно сложный исследовательский объект; в монографии собрана поистине впечатляющая коллекция теорий и подходов к этому феномену. Исторический (Ибн Хальдун, Дж. Феррари, Т. Шанин), социологический (начиная с Карла Манхейма и включая концепции таких ученых, как В. В. Семенова – с опорой на концепцию политических поколений, предложенную В. И. Лениным, Б. В. Дубин, Е. И. Иванова), демографический (В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз), социально-философский (В. П. Яковлев), культурологический (М. Б. Глотов, К. Гиллард, И. С. Кон, Р. Эйерман, Б. Тернер, П. Бурдье), психологический и антропологический (Е. А. Петрова, Е. Петрушихина, Ш. Эйзенштандт, Д. Керцер), аксиологический (Д. Алвин,

Р. Маккаммон), литературоведческий (с опорой на позицию Т. Шанина, а также О. И. Маховской), педагогический (А. А. Федоров, Е. Ю. Илалтдинова, С. В. Фролова), лингвистический (или нарративно-дискурсивный – М. Ю. Мухин, А. И. Лозовская, Дж. Уайт). Автор этого раздела монографии А. С. Сумская справедливо отмечает, что для современного анализа поколений – независимо от базового концепта поколенческого раздела – все большее значение имеет цифровизация. Именно здесь и формируется понятие «медиапоколений», то есть подхода к поколенческим вопросам *сквозь* медиапотребление, которое в современных реалиях все чаще синонимизируется с универсальным понятием «цифры». Однако важно, что «техноконцепция» в настоящее время остается включенной в большей мере в общефилософские размышления исследователей, нежели становится действительным полем строгих эмпирико-ориентированных работ (Г. В. Солдатова, Е. И. Рассказова, Т. А. Нестик, Д. М. Вьюгина, Д. В. Дунас, Е. А. Зверева, В. А. Хворова, В. В. Радаев, Э. Ф. Зеер, Н. Г. Церковникова, В. С. Третьякова, Г. Бекер и другие). Сам термин «медиапоколение» в монографии возводится к статье П. Меллоу (2005); однако следовало бы заметить, что в его статье это, скорее, метафора; следовало бы, несомненно, упомянуть известный проект Global Media Generations 2000 года, в ходе которого был проведен опрос трех поколенческих когорт в 12 странах. Для авторов коллективной монографии большое значение имеет философско-технологический подход, реализованный, прежде всего, в научном наследии М. Маклюэна. Отталкиваясь от его концепции, А. С. Сумская переходит к оппозиции «аналоговое» – «цифровое» в определении современного межпоколенного разрыва. Цитируя исследования А. В. Федорова, В. П. Коломийца, А. А. Новиковой, А. Г. Качкаевой, Н. Больца, она развивает тезис об ускоренном сдвиге аналогового (и – шире – «физического») в область цифрового, а также связывает само понятие «медиапоколения» с формами медиапотребления. В этом же параграфе можно познакомиться с различными подходами к определению так называемого шага поколений (который определяется в рамках рецензируемой книги как 17–25 лет), а также о значимости формативного периода (началом которого предлагается определять 10–12 лет). Здесь можно было добавить ряд имен (например, труды Сони Ливингстон) и исследовательских проектов (прежде всего, анализ ранней цифровизации детей, выявленный масштабными европейскими проектами), однако в целом использование формативного периода для оценки ключевой медиатехнологии, определяющей формирование конкретной когорты, представляется плодотворным.

Г. Саймонс и А. С. Сумская далее предлагают подробный очерк истории ключевых типов массмедиа в России (СССР) с привязкой к концепции поколений; в результате для современной ситуации предлагается «расклад» трех поколений – «аналогового», «цифрового» и «электронного пограничья» (с. 31 монографии). Особый интерес здесь представляет обзор различных систем поколенческих раскладов (поколения X, Y, Z, Альфа, миллениалы, «цифровые аборигены», «поколение сети» и т. п.). Нет сомнений, что любые попытки упорядочить представления о межпоколенных разрывах или разломах на основе технологий уязвимы в силу самих попыток генерализации субъективного опыта. Авторы монографии настаивают на том, что ведущий способ медиапотребления в формативном периоде имеет ключевое значение для «поколенной идентификации». Предлагается смотреть на новые «цифровые» поколения сквозь призму их вовлеченности в интернет-коммуникации, а также глобальных особенностей миллениалов – например, «отложенным» тактикам институционального профессионального и семейного опыта и стремления активно отстаивать «индивидуальное право на счастье», преимущественно не связанное с коллективными ценностями (с. 36). В этой части монографии оставлены на периферии (или на будущее) такие важные проблемы всей этой тематики, как, например исследование медиапотребления цифровых форматов «старых СМИ» (например, просмотр телевидения через Интернет, слушание радио в новых форматах, в том числе подкастах, чтение e-mail-газет и т. п.). Все эти новые практики проблематизируют определение поколенческих когорт, а также ставят под вопрос саму возможность применения стандартов грамотности аналогового периода к навыкам коммуникации цифровой эпохи. Например не находит аналитической оценки факт более широкой вовлеченности новых поколений в письменную культуру мессенджеров по сравнению с индивидуально-письменной культурой аналогового периода, а также необходимость интуитивного освоения правил платформенной коммуникации – так, ТикТок осваивался современными подростками «самостоятельно», без какого бы то ни было наставничества,

впрочем, это касается любого крупного цифрового пространства: для самостоятельного освоения требуются принципиально иные навыки, чем, например, «начитанность в области художественной литературы» или владение орфографическими и пунктуационными правилами.

Во втором параграфе первой главы В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко детально анализируют понятие коммуникативно-культурной памяти. Отмечая, что сам феномен «воспоминаний» может рассматриваться как «точка входа» в понимание целой культуры, социума, исследователи указывают на неизбежную связь воспоминаний и культурной памяти с технологиями записи и архива, то есть с коммуникационными технологиями. Само понятие «памяти» в ее связи с культурой предопределяет и понятие «трансфера» (передачи) памяти (иначе само понятие «памяти» теряет смысл). Поколение, обладающее определенным типом «накопленной памяти», уносит ее ключевые смыслы с собой, если не строит для этой памяти архив, обладающий открытостью новым поколениям, создающим предпосылки для включения культурной памяти одного поколения в опыт коммуникативных практик другого поколения (ритуальное воспоминание). В связи с этим В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко включают в рассуждение и понятия «коллективной памяти» (возводя это понятие к трудам М. Хальбвакса) и «социальной памяти» (П. Нора), что становится для них основой доказательства значимости массмедиа в процессах конструирования, трансфера и архивирования феномена коммуникативно-культурной памяти, представляющего собой гибрид содержательной стороны «воспоминаний» (смыслов) и технологий их трансфера («упаковки»). При этом СМИ выступают в роли «активного медиатора» – они не просто «транслируют» смыслы, но создают и акцентируют их, воздействуя на специфический образ коллективных воспоминаний. Это становится возможным и в силу массового характера производимой информации, и в силу использования современных технологий («цифровая медиация» – с. 50), которые во многом рассчитаны на развитие различных форм культуры соучастия, вовлечения пользователей (аудитории) в активные процессы сопроизводства смыслов. Авторы подчеркивают, что миссия, возлагаемая при этом на СМИ (и – шире – массмедиа) в новой технологической среде, как раз и связана с фундаментальными принципами информационной культуры. Чтобы обосновать значимость концепта коммуникативно-культурной памяти, В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко провели исследование русскоязычных газет штата Техас (с. 58–61) и продемонстрировали черты активной цифровой медиации этих изданий: дискурс публикаций отличается повышенной эмоциональностью, риторикой поиска и закрепления идентичности, особым вниманием к консолидирующим воспоминаниям.

Во второй главе монографии авторы обращаются к конкретному эмпирическому материалу, позволяющему решить поставленные исследовательские задачи: обнаружить «маркеры характеристики и медиапрактики медиапоколений» как часть общего процесса конструирования коммуникативно-культурной памяти. В каждом из четырех параграфов этой главы предложены различные подходы к предмету исследования.

Так, в первом параграфе «Характеристики коммуникативно-культурной памяти поколений и востребованные форматы коммуникации: результаты психологического исследования» С. А. Свердлов излагает результаты фокус-групповых исследований. Представители «аналогового» и «цифрового», а также «пограничного» поколений были привлечены к участию в фокус-группах по методологии Р. Мертона и др., а результаты были проинтерпретированы по методике когнитивных конструктов Д. Келли (с. 66). При этом выяснилось, что более четверти представителей «аналогового» поколения (до 1968 года рождения) относили себя к «цифровому» поколению; обратная ситуация (когда рожденные после 2000 года относили себя к «аналоговому» поколению) выявлена в 7 % случаев[1]. С. А. Свердлов представил детальный сценарий работы в

[1] Хотя на с. 83 исследователи В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко утверждают, что Уральская школа журналистики придерживается следующего деления на поколения: поколение A: 1942–1962 г. р.; поколение X: 1963–1982 г. р.; поколение Y: 1983–2003 г. р.; поколение Z: 2004 г. р. и позже», С. А. Свердлов в фокус-групповом исследовании вел деление иначе (до 1968 года – «аналоговое», после 1968 до 1999 – «пограничье» и с 2000 – «цифровое», в его исследовании, насколько можно понять по результатам, для удобства последние две группы объединены). Иное деление представлено и в исследовании М. Ю. Мухина и А. И. Лозовской: 1946–1969 («аналоговое»), 1970–1984 («пограничье», «эхо-поколение») и 1985 и младше («цифровое») – см. с. 108. На с. 134 те же В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко и Б. Н. Лозовский предлагают опираться на методику

фокус-группах, представляющий ценность для всех, кто планирует использовать такие методы. Всего в ходе исследования было выявлено три группы ключевых различий между поколениями (валидность полученных результатов подтверждена статистическими данными, факторизацией и кластеризацией), приводим три наиболее ярких из каждой группы (слева – «аналоговое» поколение, справа – «цифровое», с. 72):

«*Коммуникативные факторы:*

Монологичность / Стремление к полилогу (q = 0,38)

Личное общение / Общение в цифровой среде (q = 0,31)

Открытость в общении / «Маска» для общения (q=0,27);

Конативные факторы:

Энциклопедичность / Поиск знаний без запоминания (q = 0,32)

Консерватизм / Открытость новым форматам (q = 0,31)

Отсутствие собственности / Собственничество (q=0,26);

Пространственно-бытовые факторы:

Опора на материальные вещи / электронные устройства (q = 0,30)

Страх окружения / Чувство защищенности (q = 0,29)

Единое мировоззрение / Плюрализм мировоззрения (q = 0,26)».

Результаты, полученные С. А. Свердловым, представляются важным доказательством наличия различий в самом производстве культурных смыслов каждым поколением, иными словами – в наличии коллективного запроса на определенный тип культурной памяти у каждого из них. Нерешенным остается вопрос о том, каково место собственно технологий в таком «раскладе» (и не связан ли межпоколенный разрыв в большей мере с возрастом и исторической ситуацией, политическим контекстом формирования каждого поколения).

Во второй части параграфа С. А. Свердлов обратился к проблеме воспроизводства образа журналиста и медиа каждым из поколений, однако из параграфа не совсем ясно, какие эмпирические данные послужили основой рассуждений автора.

Второй параграф второй главы написан В. Ф. Олешко и Е. В. Олешко и посвящен поведенческим характеристикам и актуальным медиапрактикам поколений. Авторы определяют суть параграфа как изложение результатов социологических исследований медиаповедения. Суть проведенной ими работы такова: с 2018 по 2021 год они вели мониторинг ведущих массмедиа Уральского федерального округа с помощью mediametrics.ru, одновременно проводя социологические опросы различных возрастных групп. В монографии представлен общий обзор результатов по этапам. На первом этапе в декабре 2019 года был проведен опрос 214 пользователей и на основе их ответов выработаны практические рекомендации для редакций СМИ по «упаковке» контента для каждого поколения (с. 84–88). На втором этапе (2019–2021 годы) исследователи сосредоточились на этнических вопросах (в связи с социально-культурной идентичностью и проблемами коммуникативно-культурной памяти) и обратились к анализу медиасистемы Югры. Было отобрано 212 текстов восьми массмедиа региона (2019–2020 годов) и проведено исследование их содержания с целью выявления особенностей коммуникативно-культурного трансфера смыслов в условиях межпоколенных разрывов. Конкретной репрезентантой коммуникативно-культурной памяти был выбран образ Югры. Для проверки восприятия представленных текстов был проведен опрос 177 человек. Данные опроса показали, что на территориях с большой долей малых этнических групп высок запрос на информацию о традициях, истории, ритуалах, иных формах традиционной культуры, позволяющих создать «мост» между прошлым («корнями народности») и ее настоящим. Исследователи приходят к выводу о повышенном интересе к таким материалам и необходимости расширять этот тематический сектор. В то же время выявлено, что большинство

ресурса rugenerations.su: «мы на первом этапе разделили респондентов по традиционному возрастному принципу на две группы: “аналогового” поколения, включающую подгруппы поколений А – так называемые “беби-бумеры” (1944–1963 г. р.) и Х (1964–1984 г. р.), а также «цифрового» поколения, т. е. подгруппы Y, “миллениумы” (1985–2002 г. р.) и Z, “хоумлендеры” (рожденные начиная с 2003 г.)». Таким образом, коллектив все же не выработал единого подхода к проведению границ поколений, вопрос такого деления остается проблемным. В то же время отнесение представителями одного поколения себя самих к другому, о чем пишет С. А. Свердлов, подтверждается и данными другой части исследования (см. с. 134–135).

опрошенных обращаются за такой информацией к сетевому ресурсу на русском языке «Ханты Манси Мир», а не к газетам, публикующим материалы на языках ханты и манси (с дублированием на русском языке). Интерес также представляет анализ истории успеха блогера Владимира Айваседа (с. 94).

В описании результатов исследования авторы приводят примеры различий поколений в выборе форм медиаповедения, а также фиксируют такое явление, как «цифровая амнезия» (характерно для поколения младше 30 лет и выражается в неспособности вспомнить элементарные сведения без обращения к смартфону; об этом также речь идет на с. 136–139 коллективной монографии).

В третьем параграфе второй главы, написанном М. Ю. Мухиным и А. И. Лозовской, приводятся результаты исследования маркеров медиапоколений в области лексики. В фокусе внимания – посты пользователей (пользовательский контент) из социальной сети ВКонтакте общим количеством 845 525 (после исключения пустых записей) и объемом 17 666 498 слов. В выборку попали только посты тех пользователей, что указали свой возраст в профиле. Все записи были разделены на 4 подкорпуса по возрасту авторов (первые две группы – «цифровые», до 18 лет и до 35 лет, третья – «эхо-поколение» и четвертая – «аналоговая»). Далее на основе частотности и сопоставления со «среднестатистической» общеязыковой частотностью были отобраны слова-маркеры каждого поколения (активно используемые данной группой, но не характерные для трех других групп). На с. 110 монографии представлены перечни таких слов для каждой возрастной группы, представляющие значительный интерес для исследователей «языкового портрета поколения».

В заключительном, четвертом параграфе второй главы А. С. Сумская, В. Г. Соломеина анализируют поколенческий символический капитал территорий на основе мультимодального дискурс-анализа. В параграфе раскрывается теоретический базис предложенного исследования (преимущественно с опорой на труды М. Халлидея, Т. ван Леувена, Г. Кресса), дается определение символического капитала (П. Бурдье) территории (Н. Г. Федотова), обосновывается тезис о значимости текстового контента в условиях современного развития нестоличных СМИ. Однако в качестве материалов исследования выбрана аудиовизуальная репрезентация символического капитала Уральского федерального округа – исследован контент 159 медиасообщений в формате видеопублицистических высказываний. При анализе выяснилось, что около половины всех сообщений созданы «аналоговыми» институционально-закрепленными авторами, а другая половина – «цифровыми» неинституциональными (с. 127). Собственно анализ подходов авторов к использованию приемов и методов съемки (аудиовизуального «языка» произведений) представлен в параграфе пунктирно, без точных указаний на количественно-качественные характеристики (например: «в большей степени», «чаще», «преимущественно»). Содержание параграфа изложено так, что читателю сложно уловить собственно системность мультимодального дискурс-анализа, процедуры которого пошагово изложены, например, Кей О'Халлоран или Дж. Бейтманом. В целом авторы приходят к ряду выводов в виде сопоставительных оппозиций: «периферийные» материалы «спокойнее», чем материалы о мегаполисах, «аналоговое» поколение обращается к песням бардов, а «цифровое» – к симфонической музыке, крупные города представлены ярче и колоритнее, чем малые и т. д.

Третья глава монографии представляет собой развернутое обобщение проведенного исследования: здесь содержатся основные выводы, рекомендации, в том числе представлена и модель трансфера коммуникативно-культурной памяти. Подробное исследование «цифровой амнезии» молодых поколений, проведенное В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко и Б. Н. Лозовским (опрос 312 студентов 2–3 курсов направления «Журналистика» осенью 2019 года) и изложенное в первом параграфе третьей главы, показывает, что общий (недостаточный) уровень знаний, в том числе репрезентирующих узловые моменты культурной памяти, напрямую связан с медиапредпочтениями молодежи и объяснениями выбора соответствующего СМИ (в этом отношении интересны данные, представленные в таблице на с. 140). Анализируя нишевые медиапроекты – small media – авторы приходят к выводу о значимости детального изучения причин их появления и успеха у аудитории на фоне «распада массового потребления» (с. 143), особенно в связи с острой необходимостью пересмотра принципов подготовки журналистов на факультетах журналистики российских университетов.

Во втором параграфе третьей главы Г. Д. Саймонс, М. Ю. Мухин, В. Ф. Олешко,

А. С. Сумская обобщают исследовательские результаты в виде модели межпоколенческой трансляции коммуникативно-культурной памяти в условиях цифровой медиасреды. В начале параграфа предлагается рассматривать саму проблему медиапоколенческого разрыва как ситуацию остановки / нарушения коммуникативно-культурного трансфера между поколениями. Авторы приводят ссылки на ряд исследований, ставших основой построения модели (с. 156–158). Предложенная ими модель представляет собой соединение нескольких «контуров», образующих комплекс, однако в целом можно сказать, что модель сосредоточена вокруг вопроса «кто кого обучает» («младшие» «старших» или наоборот). При этом авторы предлагают рассматривать такую коммуникацию на уровне медиатехнологий, медиапрактик и традиционных поведенческих паттернов с учетом отличий периферии и крупных городов (модель представлена на с. 160 монографии).

Хотелось бы отметить, что материалы монографии затрудняют оценку модели: так, тема «префигуративности – кофигуративности – постфигуративности» в передаче культурной памяти возникает только в момент моделирования; подкрепление проведенными исследованиями недостаточно явно, равно как и той части, что связана с различиями крупных и малых городов. Однако, в определенном смысле, модель трансфера коммуникативно-культурной памяти может рассматриваться как самостоятельная часть книги и интересна именно с точки зрения соединения нескольких контуров, образующих ее структуру. Возможно, модель следует рассматривать во многом как гипотезу, требующую дальнейшего исследования и проверки.

Так как вопросы пре-, пост- и кофигуративности (концепция М. Мид, см. с. 156) не рассматривались в монографии подробно, то хотелось бы отметить, что тема префигуративности в области трансфера той части коммуникативно-культурной памяти, что связана с медиатехнологиями, должна была рассматриваться в ретроспективе: о роли младших (застающих периоды технологических сдвигов) в области трансфера технологических навыков старшим много писалось даже в XIX веке, когда, например, младшие, попавшие в ситуацию широкого обучения грамотности в пореформенной России, читали для неграмотных старших (феномен «неграмотных читателей», по Н. А. Рубакину). Это касается и собственно ценностей: префигуративному трансферу коммуникативно-культурной памяти полностью посвящен роман М. Горького «Мать», где тема «детей как учителей» поставлена в центр сюжета. Феномен более быстрого освоения любых новых технологий младшими, чем старшими, а затем ситуации префигуративного трансфера характерен не только для коммуникаций, но и для любых технических сфер в принципе, является общечеловеческим, не привязан к конкретным историческим ситуациям или национальным особенностям. Тем более вызывает вопросы выбор исследователями «однозначной» префигуративности в мегаполисах (несмотря на то, что ранее в монографии указывалось на 26 % «аналогового» поколения, ощущающих себя уверенными «цифровиками»). Также осталась непроясненной позиция «сообщения» как главной коммуникативной стратегии (скорее, речь должна была идти о трансляции образцов владения технологиями, во всяком случае, это следовало учесть). «Однонаправленность», о которой пишут авторы, также выглядит излишним обобщением: разумеется, время перехода к цифре вызывало формы, о которых пишут авторы («дети» ведут за «отцов» переписку или заводят аккаунты – см. с. 159), однако как быть с ситуацией современных «отцов» и «детей», если учесть, что миллениалы вступают в возраст родителей? Возможно, следовало учесть эти моменты и все более усложняющийся «ландашафт» коммуникативно-культурного трансфера.

Кофигуративность во втором этапе отражена все же как симбиоз пре- и постфигуративных практик: следуя М. Мид, кофигуративность следовало рассматривать как герметизм поколений (трансфер подменяется интенсивным обменом внутри поколенческой когорты, идет от сверстника к сверстнику). Здесь авторы (в определенном смысле) подменяют понятием «кофигуративности» идею такого «смешения» направленности трансфера. Второй уровень схемы задумывался как пространство концептуализации медиапрактик в условиях их смешения (например, просмотр телевизионных программ, слушание радио – и обращение к Интернету). Но в силу нерешенности самого вопроса о том, что есть «аналоговое» в условиях широкой цифровизации (в том числе радио, телевидения, газет) эта часть схемы также остается недостаточно ясной.

Что касается третьего уровня, то пояснения к нему на с. 162–163 показывают, что авторы стремились обратиться к трансферу ценностей, поместить в этот пункт такой сложный феномен, как социальный межпоколенческий диалог. Здесь не так важны формы коммуникации, как собственно ее содержание, построение конструктивных отношений между всеми когортами. Однако, что такое «традиционные социокультурные коммуникативные механизмы», авторы также не проясняют. В то же время стоит согласиться с исследователями, что модельный подход эффективен как для построения редакционной политики, так и в области социального управления. Можно далее прояснять и уточнять предложенную модель, можно с ней не соглашаться, однако важно, что предложены подходы к решению проблемы межпоколенческих разрывов в условиях медиатизации повседневности.

Два заключительных параграфа («Просветительские дайджесты как инструменты, повышающие эффективность межпоколенческой коммуникации», авторы Е. В. Олешко, С. А. Свердлов, и «Методические рекомендации по организации межпоколенческой коммуникации диалогового характера в цифровой медиасреде», авторы В. Ф. Олешко, С. А. Свердлов, О. С. Мухина) во многом отражают то, что было изложено в предыдущих частях работы, но ставят своей задачей найти практические решения преодоления проблем, выявленных в ходе исследования. Здесь – наряду с вполне ожидаемыми общим заключениями о необходимости приобщения новых поколений к культуре чтения и другим проверенным временем практикам, а также общим советам по композиции и составу медиатекстов – имеются нетривиальные рассуждения об учитывании поколенческих особенностей в формировании самой повестки профессиональных СМИ, поиска подходов к «разгерметизации» поколенческих аудиторий, привлечения внимания разных аудиторий к самой проблеме межпоколенческого диалога.

Завершая обзор монографии, следует отметить, что екатеринбургские исследователи на достойном уровне выполнили сложный, многосоставный проект, провели целый ряд различных эмпирических исследований, предложили разноаспектные подходы к вопросу о поколениях как особых общностях, которым необходимо строить друг с другом конструктивный диалог, показали значимость профессиональной журналистики в решении обнаруженных проблем, а также риски игнорирования этих вопросов. Но, как и положено в случае большой работы, проводимой коллективом исследователей, обнаружено множество ответвлений темы, требующих новых подходов и анализа, а также снятия некоторых противоречий, наличествующих в представленной коллективной монографии.

Особого внимания заслуживают собственно вопросы журналистского профессионализма, связанного с преодолением различных форм эйджизма в публичной сфере, а также предвзятости в массмедийном освещении любых тем, касающихся возрастных когорт. Таким образом, проблемы коммуникативно-культурной памяти ждут дальнейшей разработки; пожелаем удачи Уральской школе журналистики в их решении.

Список источников

1. Межпоколенческая трансляция коммуникативно-культурной памяти в эпоху цифровизации / [отв. ред. М. Ю. Мухин, Г. Д. Саймонс]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. 204 с.

References

1. Mukhin, M. Yu., & Simons, G. D. (eds.). (2021). *Mezhpokolencheskaya translyatsiya kommunikativno-kul'turnoy pamyati v epokhu tsifrovizatsii* [Intergenerational translation of communicative-cultural memory in the era of digitalization]. Ekaterinburg: Publishing house of Ural. University, 204 p.

Информация об авторах

М. В. Загидуллина – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций.

Information about the author

Marina V. Zagidullina – Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism and Mass Communications.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 13.02.2022;
принята к публикации 16.02.2022.
The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 13.02.2022;
accepted for publication 16.02.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.